

ОКтябрьская революция 1917 г.: новые интерпретации и подходы

1917 ж. Октябрь ыңкылабы: жаңы көз караштар жана чечмелелер

October revolution 1917 year: new interpretations and approaches

В статье рассматриваются новые подходы и интерпретации различных аспектов Октябрьской революции 1917 г. в России (например, относительно характера, сущности, хронологических рамок и др.), которые появились на современном этапе развития исторической науки, в связи с опубликованием новых источников и материалов.

Ключевые слова: Октябрьская революция; исторический процесс; сущность; хронологические рамки; историческое значение.

Бул макалада тарых илимдеринин өнүгүшүнүн азыркы этабында пайда болгон Орусияда 1917-ж. Октябрь ыңкылабынын ар кандай аспектилерин боюнча (мисалы, табияты, маани-мазмуну, убакыты, ж.б.) жаңы булактардын жана материалдардын негизинде жаңы көз караштар жана чечмелелер талкууланат.

Урунттуу сөздөр: Октябрь ыңкылабы; тарыхый жараян; негизи; хронологиялык негизи; тарыхый мааниси.

The article considers new approaches and interpretations of various aspects of the October Revolution of 1917 in Russia (for example, regarding the nature, essence, chronological framework, etc.) that appeared at the present stage of development of historical science in connection with the publication of new sources and materials.

Keywords: October Revolution; historical process; essence; chronological framework; historical meaning.

На современном этапе развития исторической науки появился ряд принципиально новых интерпретаций и подходов, касающихся анализа различных аспектов Октябрьской революции 1917 г. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из таких подходов принципиального характера является точка зрения ученых-историков, что в 1917 г. в России произошли не две революции, в частности Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая, как было принято считать в советской историографии [1], а только **одна** революция. Е. Заболотный [2], Б. Ананьич [3, с.34], В. Коротаев [4, с.16] и другие фактически объединяют два важных политических события 1917 г. в одну революцию.

По мнению Б. Колоницкого, противопоставление Октября и Февраля в некоторых отношениях справедливо, а в некоторых нет, потому что в каких-то отношениях Октябрь был отрицанием Февраля, а в некоторых отношениях продолжением. Однако он считает, что следует говорить все-таки о Российской революции 1917 г. [5].

В. Дмитренко выделяет две фазы одной революции - политическую и социальную, перспективы развития которых зависели от взаимодействия различных социальных сил [6, с.146-197].

М. Рейман, Б. Литера, К. Свобода и Д. Коляновская также считают, что в 1917 г. произошла одна революция, в ходе которой выделяются два этапа, Февральский и Октябрьский или двух революций в одной - гражданской (буржуазно-демократической) и плебейской (социалистической) [7, с.151-151].

Неоднозначная характеристика предлагается Е. Андреевой, которая считает, что, с одной стороны, Октябрь от Февраля не был отгорожен непроходимой стеной, более того,

он органически вытекал из него. С другой стороны, столь же неправомерно и затушёвывать те коренные отличия, которые существуют между ними, поскольку именно Октябрь, а не Февраль, выводит революцию 1917 г. на уровень Великих революций в истории человечества.

По ее мнению, вопрос об определении временных рамок и хронологии русской революции необходимо решать комплексно, с учетом всех известных подходов к определению понятия «революция». В этом случае Русскую революцию 1917 г. следует воспринимать как единый исторический *процесс*. Хотя в нем отчетливо выделяются два разных и по характеру, и по глубине, и по движущим силам этапа. Важность этих этапов для характеристики самого процесса столь велика, что при взгляде на события 1917 г. с точки зрения формационного развития человечества, о них следует говорить как о самостоятельных революциях: и в феврале, и в октябре 1917 г. сменились не только господствующие политические силы, но и тип государства, и вектор исторического развития, и господствующий класс [8].

По мнению О. Чуракова, если под революцией понимается резкая смена вектора исторического движения страны, переход от одной ступени (или модели) цивилизационного развития к другой, приемлемо выделять две самостоятельные революции – Февральскую и Октябрьскую. Если же речь заходит о тенденциях, определяющих лицо всей переходной эпохи как целого, то правомерно говорить о единой Русской революции [9, с. 108, 112].

Одной из новаций является проблема относительно *хронологических рамок* Октябрьской революции 1917 г. В советской исторической науке господствовала точка зрения о том, что Октябрьская социалистическая революция произошла в течение нескольких дней. Постсоветская историография расширяет хронологические рамки этого события, хотя авторы, исходя из различных методологических подходов, определяют ее временные рамки по-разному.

В. Дмитренко [6, с.146], А. Медушевский [10, с.5-6] считают, что революция началась в 1917 г. и завершилась в 1920-1922 гг., поскольку власть большевиков окончательно утвердилась именно к этому времени. С ними фактически согласен Б. Колоницкий, хотя он доводит революцию до середины 1920-х гг., когда власть была стабилизирована [5].

Согласно А. Солженицына, революция «закончилась лишь с искоренением крестьянства в 1930-1932 гг. и перетряхом всего уклада в первой пятилетке», т.е. фактически она продолжалась 13-15 лет [11].

Ш. Зайнетдинов начинает революцию с февраля 1917 г. и доводит до репрессий 1937-1938 гг., когда, по его мнению, российское общество преобразовалось «из одного качественного состояния в другое» [12, с.130].

По нашему мнению, можно согласиться с первым мнением, однако две последние точки зрения, обоснованы недостаточно, ведь НЭП, индустриализация и коллективизация – это уже конкретные реформы, проводимые советской властью после победы революции.

По-новому интерпретируется проблема *предпосылок* Октября 1917 г. П. Волобуев и В. Булдаков утверждают, что революции 1917 г. и гражданская война 1917-1922 гг. являются частью «системного кризиса империи», аналогичного смуте XVII в. [13]. Однако, в революции 1917 г. они выделяют принципиально новые моменты: непосредственное воздействие мировой войны, превращение социалистических идей в едва ли не главный компонент сознания масс, "упрощение" многомерных социальных конфликтов до противостояния "верхов" и "низов", "чужого" и "своего", "старого" и "нового", этнонациональный фактор, "партийная" диктатура над Советами и т.д. Исходя из этого, они ставят вопрос об особом эмоционально-психологическом преломлении объективных экономических и социальных противоречий России в общественном сознании, обусловившем своеобразие революции [14, с.29-30].

Дискуссионным остается вопрос о *сущности* событий 1917 г., несмотря на то, что многие исследователи характеризуют революцию 1917 г. как рабоче-крестьянскую, которая привела к утверждению в России социализма. Можно выделить несколько дискутируемых направлений.

В. Булдаков и П. Волобуев выдвинули гипотезу о несовместимости Октябрьской революции 1917 г. с социалистическим движением, поскольку в тот момент у рабочих, у солдат и матросов, а тем более, у крестьян, не было устремлений к социализму, они в подавляющем своем большинстве даже не знали, что это такое. Просто это была «борьба низов за выживание». Народные массы в большинстве своем идеализировали общественное устройство, исторически основанное на нормах общинной демократии. Исходя из этого, В. Булдаков называет Октябрьскую революцию 1917 г. не социалистической, а «*общинной революцией*» [15].

В этом их поддерживают В. Бухараев и Д. Люкшин, также определяющие весь цикл социальных потрясений в 1917 г. как "общинную революцию". Под этим они подразумевают стремление крестьян переложить на "чужих" – помещиков, город и государство – накопившиеся социально-экономические проблемы [16].

Согласно В. Скоробогачкову, демократические тенденции, носителями которых были и пролетарии, составили основу *антифеодальной революции* [17, с. 160].

Весьма распространенным стал анализ Октябрьской революции как *военного переворота* (заговора), который совершили большевики, опираясь на революционную часть армии и флота. Действительно, невозможно отрицать роль армии и флота в ходе взятия большевиками власти; в момент вооруженного восстания элементы заговора были налицо (четкое распределение имеющихся вооруженных сил, в т.ч. революционных солдат, матросов и отрядов рабочей Красной гвардии, подробный план восстания и др.). Хотя противопоставлять понятия «революция» и «переворот» не совсем корректно, поскольку они являются словами-синонимами, в переводе с латинского слово «революция» означает «переворот», другой вопрос – какой именно переворот.

Л. Семенникова справедливо полагает, что продержаться сколько-нибудь долго в 170-миллионной мозаичной стране на штыках было невозможно, а большевики продержались около 75 лет; элементы заговора есть в любой революции в момент взятия власти. Власть никогда «не падает в руки» случайно, ее берут либо вооруженным, либо мирным путем. «Однако заговор, захват власти узким кругом лиц, может быть успешным лишь в условиях стабильности общественной системы или при наличии широкой массовой поддержки (но тогда это уже не заговор). В условиях нестабильности заговор обречен на поражение, так как заговорщики, не имея прочной массовой базы, не смогут обеспечить переход к стабильности...» [18, с.346-347].

Октябрьская революция характеризуется также как *леворадикальная революция*. Согласно Ю. Игрицкому, Ю. Полякову, вооруженный захват власти в Петрограде 25 октября 1917 г. действительно может быть назван переворотом, но он – только частное событие, проявление того грандиозного, противоречивого, переломного процесса, каким стала революция в России. В этой связи они считают, что события октября 1917 г. – весны 1918 г. можно классифицировать как леворадикальную революцию, включавшую и антидемократические, и демократические тенденции, а ее основным содержанием было выступление солдатских масс против демократического правительства, продолжившего участие в мировой войне [19, с. 58; 20, с. 44, 49, 54].

Интересна точка зрения А. Медушевского, который считает, что Февральская революция 1917 г. – это первая фаза массовой демократической революции XX в.

Опираясь на теорию демократических переходов, он выделяет вторую демократическую волну после Второй мировой войны, а третью волну – в конце XX в. «Перестройка и демократизация в Советском Союзе означали только то, что наша страна, как и другие народы и государства, снова решала те задачи, которые были поставлены, но не решены Февральской революцией» [21, с.5-6].

С точки зрения психосоциального анализа событий 1917 г., по мнению П. Волобуева, В. Булдакова, открываются совершенно новые возможности и перспективы. Вопреки представлениям "событийной" историографии, критической точкой 1917 г. станет не "большевистский" Октябрь, означавший начало процесса "собирания" власти, в необходимости которой низы не сомневались, а "демократический" Февраль, который означал тот реальный успех идеи "справедливости" в социальном движении масс, который следовало без промедления "сакрализовать" на высшем уровне (хотя бы в форме Учредительного собрания). Это не было сделано и не могло быть сделано доктринерами, что объективно означало потворствование хаосу. Октябрь, напротив, выглядит как успех тонкого слоя большевизированных рабочих, солдат и громадной массы маргиналов, причем последние привнесли психологию социальной вседозволенности, которая в российском социокультурном пространстве рано или поздно должна была обернуться своей противоположностью. В целом, переломным моментом в течении российского кризиса следует считать не Октябрь 1917 г., а период с октября 1917 г. до лета 1918 г., когда основная масса населения, реализовав требование земли, затем натолкнулась на окрепшую власть, которая заставила ее (пока неуверенно) платить по счетам. Весь же период с февраля 1917 г. до лета 1918 г. можно обозначить как наиболее активный этап синергетического процесса "смерти-возрождения" империи, в ходе которого народная демократия и маргинальная охлократия взаимно подпитывали и истощали друг друга, играя тем самым на руку возрождению властных начал российского имперства – на сей раз в подсказанной народом форме Советов [15, с.31].

М. Рейман называет революцию "*плебейской*" [22].

Новые подходы просматриваются при определении *значения* Октябрьской революции. Советская историография считала революцию величайшим событием в истории России и мира. Приведем, к примеру, слова А. Солженицына: «...несомненно, что в XX веке в России произошла величайшая революция всемирного значения. Необратимостью и радикальностью перемен только и определяется революция» [23].

Однако преобладают негативные оценки октябрьских событий [24]. По мнению Л. Семениковой, развитие России в 1917 г. могло пойти по западному, демократическому пути, «если бы не Октябрьская революция». Россия не пошла по западному пути, который олицетворяли кадеты, так как у кадетов не доставало социальной базы. Запад, не смог стать образцом, и Россия пошла по пути Востока: общины (разного рода – клановые, кастовые, родовые и т.п.) объединялись мощным деспотическим государством, которое контролировало все стороны общественной жизни [25, с.24].

Согласно Н. Медушевскому, насильственный роспуск Учредительного собрания символизировал кризис формирующейся российской демократии и означал поворот общественного и политического развития вспять: разрушение институтов гражданского общества и политической демократии. Он квалифицирует Октябрьскую революцию как антидемократический государственный переворот – первый в ряду антидемократических переворотов в межвоенной Европе и других регионах мира, приведших к крушению парламентаризма и установлению различных по политической направленности диктаторских режимов [26, с. 26].

Весьма критически настроен Ю. Антонян, считающий, что в Октябре 1917 г. власть в стране была захвачена группой преступников, чья мораль, жизненные и идеологические установки резко отличались от того, что было принято в цивилизованном мире. В результате Октябрьской революции на долгие годы было остановлено экономическое развитие общества, растоптана великая культура, начато уничтожение людей, нормой отношений стали ненависть и вражда [27].

Таким образом, единых подходов к оценке причин, сущности, значения революции 1917 г. нет, да и не может быть, в силу чрезвычайной сложности социально-экономической, политической, внешнеполитической ситуации в России в этот период, в силу того, что революционная ситуация была вызвана целым комплексом причин разного

характера. Подводя итоги вышеизложенному, следует констатировать, что проблема Октябрьской революции 1917 г. при наличии множества различных подходов и диаметрально противоположных суждений все еще ждет своих исследователей.

Список цитируемых источников

1. Февральская революция и судьбы демократии в России. Материалы международной научной конференции (14-15 марта 1997 г.). – Ставрополь, 1997.
2. Заболотный Е. Революция 1917 года на Урале (Историография). – Тюмень, 1995. – 136 с.
3. Ананьич Б. Власть и реформы. От самодержавной к советской России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. – № 2.
4. Коротаев В. Революция 1917 г.: авантюра или закономерность? // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. – Архангельск, 1998. – с.16-18.
5. Колоницкий Б. Российская революция 1917 г.: взгляд через 95 лет. – http://www.rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/rus_revolt_1917.php
6. История России. XX век / Боханов А., Горинов М., Дмитренко В. и др. – М., 1998. – 608 с.
7. Рейман М., Литера Б., Свобода К., Коляновская Д. Рождение державы. История Советского Союза по 1945 год. – М.: РОССПЭН, 2015.
8. Андреева Е. Изучение Октябрьской революции: современный этап (историографические заметки) – <http://www.alternativy.ru/ru/node/959>.
9. Чураков О. 1917 г. в современной историографии: проблемы и дискуссии // Новая и новейшая история. – 2009. – № 4. – с.104–115.
10. История России. XX век / А. Боханов, М. Горинов, В. Дмитренко и др. – М., 1998; Медушевский А. Стенограмма круглого стола «Февральская революция 1917 года в российской истории» – <http://rus-istoria.ru/library/text/item/366-stenogramma-kruglogo-stola-fevral'skaya-revoljutsiya-1917-g-v-rossiyskoy-istorii-v-institute-rossiyskoy-istorii-ran-15-marta-2007-g>.
11. Солженицын А. Размышления над февральской революцией // Российская газета. 27 февраля 2007 г. № 40. <http://www.rg.ru/2007/02/27/solzhenicyn.html>.
12. Зайнетдинов Ш. Революция, насилие, прогресс // Отечественная история. – 1995. – № 5. – с.77–88.
13. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997 – http://you1917-91.narod.ru/buldakov_kr_smut.html.
14. Волобуев П., Булдаков В. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. – 1996. – № 5–6 – с.28–38.
15. Булдаков В. Имперство и российская революционность (критические заметки). – Отечественная история. – 1997. – № 1 – С.46–60; Его же. Октябрь и XX век: Теория и источники (1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению). – М., 1998. – С.11–36; Его же. Октябрь и XX век // Международная жизнь. – 1997. – № 11. – с.72–88.
16. Бухараев В., Люкшин Д. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в изменяющемся мире. – Вып. 2. – Казань, 1994. – с.154–157.
17. Скоробогачкий В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. – Екатеринбург, 1997. – 302 с.

18. Семеникова Л. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск, 1995. – 539 с.
19. Игрицкий И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994. – 377 с.
20. Поляков Ю. Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994.
21. Медушевский А. Февраль 17-го – типичная реакция общества на традиционализм / Круглый стол «Февральская революция 1917 года в российской истории» // Отечественная история. – 2007. – № 5.
22. Рейман М. Заметки по 1917 году // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. – М., 1996.
23. Солженицын А. Размышления над февральской революцией // Российская газета. 27 февраля 2007 г. № 40 – <http://www.rg.ru/2007/02/27/solzhenicyn.html>
24. Беловежский А. Коммунистический тоталитаризм: к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Философские исследования. – 1997. – № 4. – С. 57–84; Певзнер Я. Мировая революция: великая авантюра и ее крах // МЭМО. – 1997. – № 10–11; Валитов О., Умеркаев Ф. Была ли цивилизационная «дыра» в нашей истории? // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 1. – с. 307–315.
25. Семеникова Л. Что мы празднуем 7 ноября // Наука и жизнь. – 1992. – № 11. – с. 20–28.
26. Медушевский А. Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Отечественная история. 2008. – № 2. – с. 3–29.
27. Антонян Ю. Октябрьский переворот и большевистская диктатура как возвращение тени // Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте» – <http://proekt-n-i-v.livejournal.com/3542.html>

*Рецензенты: Усупова Н.С. – доктор исторических наук, профессор КГУ им. И. Арабаева
Рыскулов Т. – кандидат исторических наук, доцент БГУ им. Х. Карасаева*